

УДК 125:165.9

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-57-70

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ КАК ПАРАДИГМАЛЬНОЕ ЯДРО ПОСТМОДЕРНИЗМА

Филатова М. И.

Курская государственная сельхозакадемия имени И. И. Иванова
305021, г. Курск, ул. Карла Маркса, д. 70, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Прояснить перспективы развития европейской философии в связи с постмодернистским отрицанием модерна, классики в целом. Показать, что за данным постмодернистским отрицательным жестом кроется утверждение проблемы актуальной бесконечности.

Процедура и методы. Методология исследования базируется на общенаучных методах (анализе, синтезе, дедукции), герменевтическом методе, аналогии. Установлено, что для проблемы актуальной бесконечности родовым является философско-метафизический аспект, который коренился в дофилософской традиции искания преображения природы.

Результаты. Показано, что европейской философии была свойственна тенденция неоправданно редуцировать проблему актуальной бесконечности к её количественному аспекту. При этом особенностью проблемы актуальной бесконечности является то, что даже неоправданное допущение возможности её реализации имеет следствием действительное изменение природы конечного, но основанием для него становится уже не актуальная, а потенциальная бесконечность, как это показал ёщё Зенон. Потенциальная бесконечность становится парадигмальным ядром постмодернизма в рамках восстановления проблемы актуальной бесконечности в её исконном смысле как проблемы преображения природы, выводящей за пределы собственно европейской философии.

Теоретическая и/или практическая значимость. В задаваемой данным исследованием перспективе постмодернизм оказывается уже не ниспровергателем модерна, классики в целом, а отсылкой к этому более широкому контексту, от взаимодействия с которым теперь зависит будущее европейской философии.

Ключевые слова: вычерк, постмодернизм, потенциальная бесконечность, преобразование природы, проблема актуальной бесконечности, ризома, симулякр

POTENTIAL INFINITY AS THE PARADIGMATIC CORE OF POSTMODERNISM

M. Philatova

Kursk State Agricultural Academy named after I. I. Ivanov
ul. Karla Marks 70, Kursk 305021, Russian Federation

Abstract

Aim. To clarify the prospects for the development of European philosophy in connection with the postmodern rejection of modernity, classics in general. To show that behind this postmodern negative gesture the assertion of the problem of actual infinity lies.

Methodology. The research methodology is based on general scientific methods (analysis, synthesis, deduction), hermeneutical method, analogy. It is established that the philosophical and metaphysical aspect, which is rooted in the pre-philosophical tradition of the search for the transformation of nature, is generic for the problem of actual infinity.

Results. The author shows that European philosophy had a tendency to unreasonably reduce the problem of actual infinity to its quantitative aspect. At the same time, the peculiarity of the problem of actual infinity is that even an unjustified assumption of the possibility of its realization results in a real change in the nature of the finite, but the basis for it is no longer actual, but potential infinity, as Zeno showed. Potential infinity becomes the paradigmatic core of postmodernism within the framework of the restoration of the problem of actual infinity in its original sense as a problem of the transformation of nature, which leads beyond the limits of European philosophy proper.

Research implications. In the perspective set by this study, postmodernism turns out to be no longer a subverter of modernity, classics in general, but a reference to this broader context, on the interaction with which the future of European philosophy now depends.

Keywords: crossed out, postmodernism, potential infinity, transformation of nature, the problem of actual infinity, rhizome, simulacrum,

Введение

Искания преобразования тленной природы стало потребностью человека уже на самых ранних этапах развития человеческой цивилизации. Первоначальные «натуралистические» (погружённые в стихию природы) верования, связанные с мифом об олицетворяющем природу умирающем и воскресающем боже (греческий Дионис, египетский Озирис, малоазиатский Сабасий и финикийский Адонис), впоследствии у греков получили философское осмысление, в ходе которого природному началу как таковому было противопоставлено сверхприродное, притом что первое должно приобщиться к последнему и тем самым возвыситься до него. В греческой мифологии имелись различные варианты мифа о рождении и растерзании Диониса, также здесь фигурировали различные Дионисы. Первый по имени Загрея родился от Зевса. Отец даровал ему власть над миром. За это его стали преследовать титаны. Обманом они заманили его, схватили, растерзали на части и съели. Разгневанный Зевс испепелил титанов молнией. Из этого пепла возник человеческий род. В орфико-пиагорейской интерпретации древний миф о Загре-Дионисе стал религиозно-философским учением о мире. «Титанизм» здесь понимается как отчуждённость и глухая обособленность, как непроницаемый атомизм. Согласно орфической интерпретации мифа о Загре-Дионисе, эта первоначальная разобщённость материального мира вещей была преодолена благодаря жертве

Диониса, т. к. титаническое начало было растворено в дионисийском. Согласно неоплатонику Проклу и некоторым другим древним авторам, бог Дионис был истолкован орфиками как мировой ум и мировая душа, которая охватывает всё и на всё дробится [9, с. 175–176]. Они считали его воплощением принципа единства и множественности [9, с. 177]. Именно Орфей считается прародителем панэллинской веры, обучившим греков таинствам постижения природы и Бога. По словам Прокла, теология греков впервые явлена в таинствах и символах Орфея, продолжена далее в загадочных фигурах Пифагора и впоследствии научно развёрнута Платоном и его гениальными учениками [14, с. 6].

У Парменида совмещение принципа единства и множественности приобрело более специфичные для западной философии черты и предстало уже как проблема, причём проблема неразрешимая. Затем у Зенона (об этом будет сказано далее) эта проблема определилась как проблема актуальной бесконечности. Следует различать количественный аспект этой проблемы от собственно философско-метафизического при определяющем значении последнего. В количественном аспекте проблемы бесконечности различают актуальную бесконечность и потенциальную. Бесконечность потенциальная является отрицательным понятием и предполагает отсутствие конца в случае, например, неограниченной возможности прибавления единицы к любому числу из ряда натуральных чисел или, на-

оборот, неограниченной возможности деления отрезка. В отличие от свойственного потенциальной бесконечности частично го отрицания конечного, которое только может превзойти любое конечное, в случае актуальной бесконечности отрицание конечного берётся как полное отрицание, как то, что уже актуально превосходит любое конечное. Однако ни возможности человеческого мышления, ни возможности человеческого опыта не позволяют придать осмысленность категории актуальной бесконечности как количественному понятию. Поэтому человеческая мысль с самого начала отказывается от актуальной бесконечности. По Аристотелю, актуально бесконечное не дано ни уму, ни чувствам [2, с. 58–63].

В философско-метафизическом аспекте актуальная бесконечность предстаёт как возможность преображения конечной природы в новое качество. При неограниченном количественном возрастании (или уменьшении) по каким-то неизвестным причинам, в какой-то неведомый момент данный процесс достигает такого рода *полноты*, такого *нового качества*, что дальнейшее его *количественное* продолжение уже не отражается на его сути и как бы отходит на второй план. В этом смысле актуальная бесконечность – это не отсутствие конца, но наоборот, отсутствие *недостатка* [17, с. 19].

С другой стороны, такого рода допущение реализации актуально бесконечного ведёт к изменению места и значения самого конечного. Так, определяя отношение актуально бесконечного к конечному, Николай Кузанский писал: «бесконечная линия в своей бесконечности есть действительным образом всё то, что заключено в возможности конечной линии...» [13, с. 31–32]. Таким образом, если до Кузанского наличие состояния существующих (конечных) вещей признавалось актуальным, а возможности их изменения потенциальными, то у Кузанского, наоборот, актуальным оказывается не данное, а только возможное состояние, достигаемое посредством приобщения конечного к ак-

туальной бесконечности, ввиду возможности которого данное и наличное состояние конечной природы оказывается уже только потенциальным.

Но что должно стать с конечной природой в случае, если возможность реализации актуальной бесконечности окажется допущенной неоправданно? Зенон Элейский показал, что это приведёт к тому, что *промежуточное, незавершённое* положение конечного останется *само по себе*, чем и разрушится сама его природа (распад конечного). Из конечной она станет потенциально бесконечной.

Важно понимать, что в этом случае мы имеем дело с новым видом потенциальной бесконечности. Если раньше потенциально бесконечное понималось как произведённое от конечного через отрицание его конца, то теперь потенциальная бесконечность оказывается производна от актуальной бесконечности и возникает через её отрицание в результате неоправданного допущения возможности приобщения к ней природы конечного. В первом случае потенциально бесконечное – количественная категория, в последнем – философско-метафизическая.

В истории философии проблема актуальной бесконечности оставалась обсуждаемой. При этом ввиду недопустимости категории актуальной бесконечности как исключительно количественной категории её количественный аспект оказался тесно связанным и даже зависимым от метафизического. Не случайно интерес к этой проблеме возобновился в связи с принесённым христианством представлением об актуально бесконечной сущности Бога-Творца. Возможность нисхождения актуально бесконечного в конечный мир, подкрепляемая теологическими спекуляциями, оставалась широко дискутируемой темой на протяжении всего Средневековья. Потребность в признании актуальной бесконечности возникла в новоевропейской математике, но здесь уже отсутствовала возможность сделать это обоснованно и открыто. Только Георг Кантор, создатель теории множеств, пыта-

ется обосновать возможность использования актуально бесконечного в математике. Однако это вынуждает его переступить пределы количественного аспекта актуально бесконечного, единственно приемлемого в математике, и обратиться вновь к философско-метафизическому его пониманию, тесно связанному с признанием высшей реальности Бога. Предельным развитием канторовского учения о трансфинитном становится понятие некоего высшего трансфинитного числа, "Genus supremum". «То, что превосходит всё конечное и трансфинитное, – пишет Кантор, – не есть "Genus"; это есть единственное, в высшей степени индивидуальное единство, в которое включено всё, которое включает "Абсолютное", непостижимое для человеческого понимания. Это есть "Actus Purissimus"¹, которое многими называется Богом» [20, р. 290]. Как известно, трудности, с которыми столкнулся Кантор в процессе доказательства состоятельности своего учения о трансфинитном, спровоцировали третий кризис оснований математики, непреодолённый до сегодняшнего дня.

В развитии проблемы актуальной бесконечности можно выделить некие узловые моменты, которые стали парадигмальными для эпохальных поворотов в развитии европейской философии и европейской цивилизации в целом. Таких моментов три. Первый связан с самим зарождением европейской философии, второй – с генезисом новоевропейского естествознания, третий – с постмодернистским ниспровержением классики.

Проблема актуальной бесконечности в античности: от религиозно-мифологического образа к понятийному представлению

Парменид формулирует на понятийном уровне то представление о высшем начале, прототип которого был выражен в мифе о Загреे-Дионисе. В отличие от мифо-

тических возможностей вообразить и изобразить соединение природы Диониса с природой титанов, стиль рассуждений Парменида не предусматривает подобного. Парменида останавливает запрет на противоречие, которое неизбежно возникает при попытках соединить Единое и многое. Эту проблему отражает факт разрозненности двух частей поэмы Парменида «О природе», требующих объединения. Проблема единства двух частей поэмы Парменида представляется для Ф. Х. Кессиди настолько важной, что он предлагает собственное её решение, преподносимое, однако, как решение самого Парменида, подспудно присутствовавшее в его сочинении [9, с. 265]. В отличие от Ф. Х. Кессиди, В. Я. Комарова открыто признаёт, что Парменид не знал пути к объединению двух частей своей поэмы [11, с. 84].

Ученик Парменида Зенона находит способ обойти запрет на противоречие. Он обращается к доказательству «от противного», чтобы выразить в рациональной форме религиозно-мифологическое представление о соединении двух природ.

Целью Зенона было исследование возможности соединения Единого с чувственным миром. Всё, что существует в мире, имеет величину, а величина, по определению, впервые данному Зеноном (оно сохранилось у Аристотеля [1, с. 75–76]), всегда, до бесконечности делима. Неделимой является только единица, т. к. она обладает природой неделимого Единого. Таким образом, в результате соединения с Единым чувственный мир множества вещей должен воспринять его природу и стать миром множества неделимых единиц. Такое множество и должно было явиться актуально бесконечным в соответствии с приведённым выше его определением. Оно должно было воспринять новое качество. Если обычное дискретное множество может быть тем или иным, может быть большим или меньшим, в зависимости от добавления или убавления его составных элементов, то множеству, состоящему из неделимых единиц, в принципе безразлично, сколько таковых будет в его соста-

¹ Совершенная Действительность, Высшее бытие (лат.).

ве. Поскольку оно состоит из неделимых единиц, то оно имеет их природу и само является единственным и неделимым и образует неслитное и нераздельное единство с входящими в его состав элементами. Вернее, таковым оно являлось бы, если бы каким-то непостижимым образом могло произойти изменение его дискретной природы и восприятия им неделимой природы входящих в его состав единиц. Но понятие о возможности такого изменения, как и понятие о самом таком множестве, является для мысли таким же недопустимым понятием, как и понятие «круглый квадрат». Эта проблема, получившая название апории о множестве, отражена в диалоге Платона «Парменид» (Платон. Парменид 127 е1–4).

Но Зенон обращается к доказательству «от противного». И это позволяет ему допустить, что изменение природы делимого, причём делимого до бесконечности, действительно возможно. Зенон инициирует бесконечный процесс дихотомического деления целой величины с целью показать, как происходит превращение бесконечно делимой протяжённости в неделимую единицу. Название этого процесса носит апория Зенона «Дихотомия». Другая его апория – «Ахиллес и черепаха» – не отличается принципиально от «Дихотомии» [9, с. 279]. Кессиди показывает, как решение трудности, заключённой в апории «Стрела», также переходит в апорию «Дихотомия» [9, с. 283]. В результате Зенон сталкивается с тем видом потенциальной бесконечности, при котором она оказывается производной не от конечного, а от неоправданного допущения возможности реализации актуально бесконечного. Если первый вид отражает количественный аспект проблемы бесконечности, то второй – философско-метафизический, как об этом было сказано в начале статьи. С опорой на количественный аспект проблемы бесконечности Зенон пытается рационализировать (правда, в рамках доказательства «от противного») известное из мифологической традиции представление о преображении природы, представить его в качестве проблемы актуальной бесконечности, имею-

щей решение, сделать это преобразование осуществимым силами человеческого разума. Апорийность рассуждений Зенона как будто свидетельствует, что здесь и вправду схватывается некоторое такого рода изменение начальных условий (наличие конца уже пройдённого телом пути обрачивается отсутствием), которое не может быть объяснено логически, но отсылает к превосходящим возможности зарождающейся философии представлениям об изменении природы конечного. Однако возможность распада конечного в потенциальную бесконечность, не обсуждалась в мифологической традиции, поэтому потенциальная бесконечность не имела религиозно-мифологического аналога (в отличие от актуальной бесконечности) и не могла быть тогда интерпретирована в качестве философско-метафизического понятия. Такая возможность откроется только в постмодернизме, как это будет показано в статье.

Актуальная бесконечность и преобразование природы конечного в новоевропейском естествознании: Кузанский или Зенон?

Кузанский стал вторым после Зенона, кто представил соединение двух природ в рациональной форме. Но в отличие от Зенона, исканиям Кузанского было предпослано необходимое для этого основание. Им стало принесённое христианством представление о трансцендентной реальности Бога-Творца как отличной от сотворённого им мира актуально бесконечной сущности, понятие о которой может быть только апофатическим. С другой стороны, по причине этого последнего обстоятельства Кузанский, как и Зенон, не придавал прямого значения своим рассуждениям о возможности преображения конечной природы через причастность к актуально бесконечному. В рассуждениях о такой возможности он говорил не о действительной природе, а о воображаемой, в отношении которой можно каким-то скачком мысли допустить причастность к актуально бес-

конечному. Как поясняет П. П. Гайденко, «между потенциальной бесконечностью возрастаания величины и актуальной бесконечностью всегда остаётся “зияние”, не-переходимая пропасть, и Кузанец совершает здесь “скачок”, никакой логикой не объяснимый. Но с помощью этого “скачка”, совершающего в действительности с помощью теологических, а не математических понятий, в рассуждения о математических предметах вводится понятие актуальной бесконечности» [5, с. 55].

Онтологический проект Кузанского стал эпохальным для европейской интеллектуальной культуры того времени и был воспринят основателями новоевропейской науки. По словам А. В. Ахутина, в онтологическом проекте Кузанского нетрудно распознать черты новой природы, равно как и нового (новоевропейского) мышления [3, с. 51]. Однако вопреки Кузанскому он стал применяться к действительному, а не к воображаемому миру. Затрагивая проблему основательности такого переноса, совершённого в новоевропейской науке, где, казалось бы, этот вопрос должен ставиться наиболее строго, Косарева отмечает, что он произошёл вследствие стихийного эффекта догматизации ньютоновской физики, обнаружившей невероятную эффективность [12, с. 217]. Т. е., другими словами, этот перенос по большому счёту остался безосновательным. Но именно благодаря ему стало возможно такое явление, как секуляризация науки при видимом сохранении за ней доступа к актуальной бесконечности, открывшегося благодаря теологическим спекуляциям основателей науки (Галилей, Декарт). Вопрос об оправданности такого доступа уже не ставился, хотя он должен был возникать в условиях, «когда ссылки на “Бога” стали неуместными и собственно идея “Бога”, основывающая категорию актуальной бесконечности, ушла» [18, с. 151].

В этом случае в онтологическом проекте Кузанского, задействованном в новоевропейской науке и в целом в европейской культуре, утрачивается, или по меньшей мере оказывается под вопросом – та его

специфика, которая отличала его от открытий Зенона. В итоге вопрос, актуальной или потенциальной бесконечностью на самом деле задаются параметры европейской науки и культуры в целом, оказывается открытым.

Постмодернистское ниспровержение классики и проблема его онтологической значимости

На фоне этого обращает на себя внимание фиксируемое постмодернизмом превращение категорий модерна в свою противоположность, отражённое в таблице Ихаба Хасана. Так, на месте иерархии оказывается анархия, на месте логоса – молчание, на месте синтеза – антисинтез, на месте присутствия – отсутствие, на месте корней – ризома, на месте центрирования – рассеивание, на месте глубины – поверхность, на месте определённости – неопределенность, на месте трансцендентного – имманентное. При этом сам постмодернизм не эксплицирует сути данного превращения и не выделяет его как таковое. В противном случае это означало бы сближение превращённой формы (постмодерн) и её исходного состояния (модерн) в виду некоторого общего для них начала (или основания), имплицирующего движущие силы самого этого превращения. С одной стороны, такое основание делает фиксируемое постмодернизмом превращение онтологически значимым, онтологически его обосновывает, не в пример пониманию его как всего лишь метафоры в рамках так называемой постмодернистской поэзии. Но с другой стороны, такое основание показывает ограниченность самого постмодернизма, который в этом случае оказывается уже не последним словом европейской культуры, но своего рода отсылкой к этому более широкому основанию, чем и модерн, и постмодерн вместе взятые, в котором и следует искать ответ на вызванные данным превращением вопросы. Во избежание этого постмодернист Деррида называет классическую эпоху местом «великой метафизической... авантюры Запада» [7, с. 124], разоблачения которой достаточно

для установления истинного положения дел. Ж. Дилёз и Ф. Гваттари также, говоря о множественности, положенной в основу понятия ризомы, заявляют, что у неё «нет более никакого отношения с Одним» [6, с. 14] и что они не будут здесь говорить ни о чём, кроме этой уже имеющей место множественности [6, с. 8].

В противоположность этому в данной работе будет показано, что общим основанием и для модерна, и для постмодерна является проблема актуальной бесконечности как проблема преображения природы, унаследованная от дофилософской или, лучше,protoхристианской традиции. Как таковая эта проблема оказывается не-вместима зарождающейся европейской философией в силу специфики перехода от мифа к логосу. Здесь она подвергается редукции и в конечном счёте подменяется своей рационалистической проекцией. Иллюзия её полноценности, создавшая видимость доступа к актуальной бесконечности и фундировавшая генезис новоевропейской науки, стала основанием модерна. Но несоответствие формата рационалистической редукции смыслу исходной проблемы преобразования природы (т. е. это тот случай, когда возможность такого преобразования была (как у Зенона) неоправданно допущена) стало причиной крушения модерна и превращения его категории в противоположность.

Однако важно понимать, что отталкиваясь от модерна как от «метафизической авантюры Запада», постмодернизм отталкивается не от некоторого «пустого места», которым в пределах собственно философии и должны были быть неосуществимые допущения модерна. В этом случае самым разумным и оправданным путём их разоблачения должен был стать шаг назад, причём шаг гигантский, к тем началам, которые пытались преобразовать на основе этих неоправданных допущений. Однако постмодернизм делает, напротив, шаг вперёд, причём тоже гигантский. И возможность этого шага коренится в выходящих за пределы возможностей собственно философии более широких основаниях, до-

пускающих возможность преобразования природы. Именно здесь также коренилась и возможность того шага, право на который узурпировал модерн, исказивший онтологический проект Кузанского. Таким образом, постмодернизм не ниспровергает в этом смысле модерн, но, наоборот, свидетельствует о действенности этих более широких оснований, т. к. именно они делают действительным то превращение, которое фиксируется самим постмодернизмом и которое в качестве результата неоправданного допущения возможности причастности к актуально бесконечному (как возможности преобразования природы) было открыто Зеноном.

Ниже будет показано, как проблема актуальной бесконечности фундирует такие постмодернистские понятия, как симулякр, ризома, вычертка, причём только в последнем случае она заявляет о себе наиболее явно.

Преобразованная природа как симулякр у Бодрийара

Бодрийар начинает с реструктуризации бинарного архетипа, изначально присущего европейской культуре. Так, жизнь противополагается смерти, притом что определённый ритм возникновения жизни и наступления смерти задаёт меру длительности жизни, которая для всего живого в мире является конечной. Однако и самому бинарному архетипу, противопоставляется некоторое, как говорит Бодрийар, «мифическое измерение» [4, с. 37], где присутствуют «феномены чрезмерности» («герои»). Они представляют собой как бы точки, инородные для мира, присутствие которых в мире способно преобразовать свойственный ему бинарный архетип, изменить мир к лучшему. Так, если *конечная* жизнь неизбежно чередуется со смертью в соответствии со своей мерой, то феномены чрезмерности выпадают из обычного ритма этого чередования и, соответственно, из свойственной для всего подчинённого этому ритму природы конечного. Король, как и Бог, предназначены не для того, чтобы

жить (как живут простые смертные). Они должны умереть, чтобы воскреснуть (пространственность) в новом бессмертном образе. «Король или вождь – ничто без обещания своей жертвы» [4, с. 40]. «Король (как и Бог) должен был умереть – в этом было его могущество» [4, с. 31]. Так конечное преобразуется в бесконечное (смертоносное в бессмертное). Но Бодрийяр задаётся вопросом о подлинности статуса того феномена, который признаётся чрезмерным. Он показывает, что такое признание может оказаться неоправданным. В этом случае, как и у Зенона в его доказательстве «от противного», неоправданное допущение присутствия в мире феноменов чрезмерности тоже вызывает изменение конечной природы, а именно её распад, т. е. делает её не выше, а наоборот, ниже самой себя. Если конечной природе всего живого смерть ещё только предстоит в соответствии с ритмом чередования жизни и смерти, то распад конечного приводит к нарушению этого ритма, к тому, что то живое (феномены чрезмерности), которое через свою безвременную смерть назначено стать бессмертным, оказывается ещё прежде смерти изначально уже мёртвым. «Любой глава государства – безразлично, кто именно, – есть лишь симулякр самого себя, и это единственное, что наделяет его властью и правом повелевать. Никто не окажет ни наименьшего одобрения, ни наименьшей почтительности реальному человеку. Преданность направлена на его двойника, так как сам он изначально уже мёртв» [4, с. 41]. Эту симуляков и симуляции открывают знаки, которые скрывают, что за ними ничего нет, «что все уже умерло и воскрешено заблаговременно... в летальной системе или, вернее, в системе заблаговременного воскрешения, которое больше не оставляет никакого шанса даже самому событию смерти» [4, с. 8–14]. В этом случае президент, по Бодрийяру, уподобляется «манекену власти» [4, с. 37]. Он напоминает, что «Кеннеди погибли, потому что ещё воплощали нечто: политическую власть, политическую субстанцию, тогда как все последующие президенты были

лишь их карикатурой, марионеточными персонажами...» [4, с. 37]. Так, Никсона, по замечанию Бодрийяра, «не посчитали достойным умереть от руки хоть какого-нибудь ничтожного случайного психа» [4, с. 38]. Симулякр, таким образом, так же, как и подлинные феномены чрезмерности, представляет собой изменение природы конечного, но это изменение ведёт не к позитивной (актуальной), а к дурной (потенциальной) бесконечности, той самой летальной системе, или системе заблаговременного воскрешения, с которой и столкнулся ещё Зенон, так и не нашедший искомой им единицы – точки преображения конечного в актуально бесконечное.

Пространство, повреждённое симуляцией, по Бодрийяру, это лента Мебиуса, бесконечная замкнутая система [4, с. 26], где каждое действие «отменяется с окончанием цикла, рассеиваясь во всех направлениях и становясь выгодным для всех» [4, с. 26]. «Перед нами ад симуляции, который уже не ад мучений и пыток, но ад неуловимого, зловредного, неопределенного искривления смысла... Это не обязательно приводит к безнадёжности для смысла, но также к импровизации смыслом, к отсутствию смысла, одновременной множественности смыслов, разрушающих друг друга» [4, с. 29]. Процесс, который ведёт к повреждённости пространства симуляцией – имплозия (взрыв, направленный внутрь). Бодрийяр показывает на других сюжетах, как такие феномены чрезмерности, как ядерная угроза, Холокост и др., способны вызывать имплозию.

У Бодрийяра соответствие выявленной Зеноном закономерности распада конечного в потенциально бесконечное просматривается лишь частично. Здесь остаются не выявленными исходные условия этого распада, а именно неоправданное допущение возможности положительного решения проблемы актуальной бесконечности. У Бодрийяра эта возможность предполагается лишь так называемым «мифическим измерением». По словам другого постмодерниста Ж. Деррида, высказывавшегося более определённо, неоправданное до-

пущение возможности положительного решения проблемы актуальной бесконечности стало «великой метафизической авантюрией Запада». Среди «классиков» постмодернизма, пожалуй, лишь Деррида отводит проблеме актуальной бесконечности подобающее ей место. Обращение к этой последней способно сделать постмодернизм более зрячим по отношению к своим собственным перспективам, тогда как «согласно критическим взглядам Ж. Бодрийяра, мир достиг точки, когда борьба с силами симуляции невозможна» [10, с. 251].

Вычерк «конца» актуальной бесконечности у Деррида

Деррида показывает, что метафизика как «великая авантюра Запада» стала возможна благодаря представлению об актуальной бесконечности, известному в качестве проблемы до и независимо от христианства, но только с приходом христианства получившему некоторый положительный смысл и легитимность. «**Бесконечный** божественный разум есть другое имя логоса как самоаличия... Лишь **бесконечное** существо может устраниТЬ различие в наличии. В этом смысле имя Божье, по крайней мере то, что упоминается в системах классического рационализма, есть имя неразличимости как таковой. Лишь **позитивная** [актуальная] **бесконечность** может осуществить снятие следа,¹ “сублимировать” его (выделено полужирным нами. – М. Ф.)» [7, с. 238, 200]. Заявляя о том, что «знак и божество родились в одном и том же месте и в одно и то же время» и что «эпоха знака по сути своей теологична» [7, с. 128], Деррида замечает, что эти понятия «нередко считают возможным безболезненно разделить» [7, с. 128]. Но такое намерение, как считает Деррида, влечёт за собой необходимость радикального пересмотра того отношения между одним и

другим («божеством» как актуальной бесконечностью и знаком), которое на протяжении всей эпохи логоса конституировало природу знака, хотя и оказалось на деле местом «великой метафизической... авантюры Запада» [7, с. 124]. Осознание того, что реализация актуальной бесконечности как обращённость к «лику божьему» неосуществима, не значит, что природа знака может быть теперь только человеческой, конечной. Вычерк теологического содержания знака как конца бесконечного приближения к «лику божьему» не ставит точку на этом пути, которая просто отрезала бы конечное от бесконечного. Но, как настаивает Деррида, в этом случае уже нельзя безболезненно отделить одно от другого. Отсылка (бесконечное приближение означающего к означаемому) останется даже после вычерка конца этого бесконечного приближения. По словам Деррида, «самотождественность означающего [словом] непрестанно скрывается и смещается» [7, с. 171]. И ещё: «Различие [как отстранение-отсрочивание (т. е. откладывание в пространстве и промедление во времени)] отлично от конечности» [7, с. 195]. Деррида исходит из «беспрерывного возведения здания обозначаемого... что приводит к парадоксам движения, одновременно включающего приближение и отдаление» [16, с. 40]. Как видно, бесконечность (как феномен чрезмерности), раз допущенная в природе знака, уже не устранима из неё даже после разрушения этой природы вычерком. Но после вычерка это будет уже не актуальная, а потенциальная бесконечность.

Неизбежность изменения конечного ввиду неоправданного допущения актуально бесконечного была засвидетельствована Зеноном. В апориях Зенона загадка превращения конечного в потенциально бесконечное, загадка «исчезновения» заданных пределов представлена открыто. Здесь все её видимые условия даны насколько это возможно явно. Постмодернизм, говоря, по сути, о той же самой проблеме, уже не обнаруживает такой открытости. Вследствие этого здесь

¹ След – понятие философии Деррида, противопоставляемое «присутствию» как принципу традиционной метафизики и в таком виде входящее в состав бинарной оппозиции «след – присутствие».

возникают вопросы, которые остаются здесь без ответа, но ответ на которые может быть получен на основе привлечения рассуждений древнего элеата и восстановления исконного смысла исследуемой им проблемы актуальной бесконечности как проблемы преображения природы.

Распад дерева-корня в бесконечность становления ризомы у Ж. Дилёза и Ф. Гваттари

Опыт освоения проблемы актуальной бесконечности Античностью становится ценным ресурсом для понимания того, как в постмодернизме Ж. Делёза и Ф. Гваттари некая целостность (дерево-корень) уступает место множественности, притом что об обстоятельствах утраты основательности бинарной логики («закон Одного, становящегося двумя, а затем двух становящихся четырьмя...» [6, с. 9]) и той реальности, которую она описывала (дерево-корень) здесь не говорится почти ничего. «Мы говорим лишь о следующем: о множественностях, линиях, стратах и сегментациях...» [6, с. 8]. Ключевое понятие такого дискурса – ризома. «Мы не должны больше верить деревьям, их корням, корешкам, мы слишком пострадали от этого... Напротив, ничто не красиво, не любо, не политично, кроме подземных отростков и надземных корней, сорняков и ризомы» [6, с. 26–27]. Дословно «rizoma» означает клубень, корневище. Это лингвофилософский концепт особого типа, своего рода онтологическая категория философии постмодернизма, это не множество, прототипом которого является синтагматическое древо, начинающееся с пункта S и продолжающееся по диахотомии, и не множественное, создаваемое прибавлением каждый раз пре-восходящего измерения ($n + 1$), а множественность, из которой, наоборот, вычленено единственное, где – 1 всегда пишется после n. «Ризома не позволяет себе вернуться ни к Одному, ни к многому. Она не Одно, которое становится двумя, ни даже которое прямо становилось бы тремя, четырьмя, пятью и т. д. Она – не многое, выводимое

из Одного, или к которому добавляется Одно ($n+1$). Она сделана не из единиц, а из измерений, или, скорее, из подвижных направлений. У неё нет ни начала, ни конца, но всегда – середина, из которой она растёт и переливается через край. Она конституирует линейные множества с n измерениями, без субъекта и объекта, – множество, которые могут быть выложены на плане консистенции и из которых всегда вычитается единица ($n-1$)» [6, с. 37]. «...когда множественное действительно рассматривается как субстантив – множество, или множественность, – нет более никакого отношения с Одним» [6, с. 14].

У Ж. Делёза и Ф. Гваттари для прояснения различия между деревом и ризомой противопоставляется калька и карта. «Вся логика дерева – это логика кальки и воспроизведения» [6, с. 21]. Логика дерева «состоит в калькировании чего угодно, что дано нам уже готовым, начиная со сверхкодирующей структуры или поддерживающей оси» [6, с. 21]. И далее: «Если карта противопоставлена кальке, то потому, что она полностью развернута в сторону эксперимента связанного с реальным... Карта открыта, она способна к соединению во всех своих измерениях, демонтируема, обратима, способна постоянно модифицироваться» [6, с. 21–22]. Неслучайно Делёз говорит «о настоящем предмете философии как об имманентности» [8, с. 95].

Но тут же сама возможность противопоставления кальки и карты проблематизируется: «В ризомах, ризоматических прорастаниях в корнях существуют узлы древовидного разветвления... Есть анархические деформации в трансцендентной системе деревьев, надземных корней и подземных стеблей. Важно то, что дерево-корень и ризома-канал не противопоставляются как две модели – одна действует подобно трансцендентальным модели и кальке, даже если она порождает свои собственные ускользания; другая действует как имманентный процесс, опрокидывающий модель и намечающий карту, даже если она конституирует свои собственные

иерархии, даже если она создаёт деспотичный канал» [6, с. 36].

Ж. Делёз и Ф. Гваттари указывают на проблему письма как на причину такой неточности выражений: «Абсолютно необходимы неточные выражения, дабы обозначить что-либо точно... неточность вовсе не аппроксимация, напротив, это точный проход того, что создаётся» [6, с. 36].

Такого рода неопределенность в противопоставлении ризомы и дерева становится для исследователей «сногсшибательным» доопределить представление о ризоме, минуя те её характеристики, благодаря которым она признаётся противоположностью дерева и его логике. Так, Е. В. Николаева доказывает, что ризома предвосхитила теорию фракталов. По её словам, таким метафорам-озарениям в философии постмодернизма, как «ризома», «гипертекст» и др., «не хватало точных алгоритмов их описания и фиксации в картине мира постсовременности» [15, с. 115], притом что они «были прообразами математических инструментов концептуализации действительности» [15, с. 115]. Е. В. Николаева называет фрактал «математическим и концептуальным инструментом» [15, с. 119], который описывает ризому, несмотря на то, что по определению фрактал с необходимостью имеет пределы, а у ризомы, наоборот, они по определению отсутствуют. Как напоминает Е. В. Николаева, «фрактал – принципиально бесконечный процесс, он есть непрестанно разворачивающаяся форма, которая, оставаясь в своих пределах, уходит в бесконечную глубину» [15, с. 118]. Так, для фрактала определяющим является принцип кальки (дерева) ввиду его самоподобия и рекурсивности. В противоположность этому, в ризоме «нет ни имитации, ни сходства, а есть взрыв двух гетерогенных серий в линию ускользания...» [6, с. 17], «ризома – не объект воспроизведения: ни внешнего воспроизведения в качестве дерева-образа, ни внутреннего воспроизведения в качестве структуры-дерева. Ризома – это антигенетика. Это кратковременная память или анти-память. Ризома действует благодаря

вариации, экспансии, завоеванию, захвату, уколу» [6, с. 38]. Нельзя не признать наличия некоторой недоговорённости в приводимом описании ризомы. Так, с одной стороны, ризома, представляемая как «взрыв двух гетерогенных серий», которые вступают в некоторое взаимодействие между собой «благодаря вариации, экспансии, завоеванию, захвату, уколу», предполагает наличие некоторой общей, объемлющей их предельной области (как «Всё»), благодаря которой только и становится возможно предположить, что у этих двух (как и у любых других) гетерогенных серий может быть нечто общее, некоторая гипотетическая точка схода (как у Кузанского «всё во всём»). По определению ризомы, «у неё нет ни начала, ни конца, но всегда – середина [точка], из которой она растёт и переливается через край» [6, с. 37]. «Ризома не начинается и не заканчивается, она всегда посередине, между вещей, меж-бытие, интермеццо» [6, с. 44]. К этой точке и направлены движения ретерриториализации и детерриториализации, благодаря которым растёт ризома. Так, ризому образуют гетерогенные оси и орхидея. «Орхидея детерриториализируется, формируя образ, кальку ось; но оса ретерриториализируется в этом образе. Однако оса детерриториализируется, сама становясь деталью аппарата репродукции орхидаe; но она ретерриториализирует орхидею, транспортируя её пыльцу» [6, с. 17]. Речь идёт о «подлинном становлении, становлении-осой орхидаe, становлении-орхидеей осы... оба становления сцепляются и сменяются, следуя циркуляции интенсивностей, всегда продвигающей территоризацию ещё дальше» [6, с. 17]. Эта (гипотетическая) общая точка схода является подобием (гипотетической) общей объемлющей области, что и даёт повод сближать фрактал и ризому, развивая и доопределяя представление о последней. Но, с другой стороны, как таковое наличие самой этой серединной точки и соответственное наличие объемлющих пределов сделали бы ризому неподвижной, в то время как она являет собой как раз, наоборот, бесконечное становление и продвижение

вглубь середины, задаваемое как раз поиском этой никогда не данной точки. То же касается и пределов. Не будь понятия о них, не было бы и понятия об этой точке. Таким образом, в ризоме пределы и точка схода оказываются одновременно и даны, и не даны. В этом и состоит неустранимая причина невозможности точного её определения в постмодернизме¹.

Однако если не точное, то по крайней мере более полное представление о том, как возможно пределам и искомой точке схода быть одновременно и данными, и не данными, может быть составлено на основе аргументов Зенона Элейского, откуда видно, как пределы объемлющего (у Зенона «весь пройденный телом путь») позволяют начать бесконечное продвижение вглубь к искомой точке (единице) и как затем это продвижение остаётся само по себе, не только не достигнув искомой точки, но и утратив связь с изначально данными пределами (концом уже пройдённого пути).

Заключение

Таким образом, постмодернистское отрицание категорий модерна не может быть удовлетворительно эксплицировано в отрыве от проблемы актуальной бесконечности, от восстановления её исконного смысла как проблемы преображения природы, выводящей за пределы собственно европейской философии, и от открытой ещё Зеноном негации актуальной бесконечности, результатом которой оказывается распад конечного в потенциальную бесконечность. В такой перспективе постмодернизм оказывается уже не ниспревергателем модерна, классики в целом и не последним словом европейской философии, а отсылкой к этому более широкому контексту, от взаимодействия с которым теперь зависит её будущее.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Метафизика / пер. А. В. Кубицкого. М.: АСТ, 2022. 448 с.
2. Аристотель. Физика / пер., прим. В. П. Карпова. М.: КомКнига, 2007. 232 с.
3. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 205 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
5. Гайденко П. П. К вопросу о генезисе новоевропейской науки // Философия науки. 1998. Вып. 4. С. 52–60.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 892 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии / пер Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
8. Керслейк К. Об основании Делёза / пер. Д. Кульбашной // Логос. 2020. Т. 30. № 4. С. 89–108.
9. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии / отв. ред. А. Е. Зимбули. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.
10. Ковтуненко И. В., Курдяшов И. А. Творческая рецепция концепции Ж. Бодрийяра в постмодернистской картине мира Ч. Паланика: симулякры, посредничество, исчезающая реальность // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11 (58). № 6. С. 241–254.
11. Комарова В. Я. Учение Зенона Элейского. Попытка реконструкции системы аргументов. Л.: Ленинградский государственный университет, 1988. 263 с.
12. Косарева Л. М. Рождение науки нового времени из духа культуры. М.: Институт психологии РАН, 1997. 360 с.

¹ По-другому подходят к этой проблеме в радикальном конструктивизме, где аналогом процессов детерриторизации и ретерриторизации выступает аутопоэзис. Здесь признаётся вопрос о *внешнем* как о пределах аутопоэзисной системы, но отрицается возможность его рассмотрения. Радикальные конструктивисты отстаивают право воздерживаться от суждений в вопросе о *внешнем*, признавая сам радикальный конструктивизм разновидностью скептицизма. Усилиями классика радикального конструктивиста Эрнста фон Глазерсфельда «конструктивизм превращается в целое направление в эпистемологии, своими корнями уходящее в учение античных скептиков и не прерывающее своей истории на протяжении всего развития человеческой мысли» [19, с. 50].

13. Кузанский Н. Об учёном незнании. М.: Академический проект, 2011. 159 с.
14. Мид Дж. Орфизм. Теософия древних греков / пер. В. А. Литновской. Вологда: Полиграф-Периодика, 2017. 167 с.
15. Николаева Е. В. От ризомы и складки к фракталу // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 114–120.
16. Сироткин Ю. Л. Пространственно-временной континуум в постмодернистской парадигме: Ж. Деррида (1930–2004) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. № 3. С. 36–46.
17. Филатова М. И. Актуальная бесконечность: псевдопроблема или метаоснование западноевропейской философии и науки? // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 1. С. 11–27.
18. Филатова М. И. Классическая и неклассическая рациональность в свете проблемы бесконечности // VIII Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире». Секции (I): сборник научных статей. М.: Российское философское общество: Институт философии РАН: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова: Логос, 2020. С. 150–152.
19. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. München: PHREN, 2000. 332 с.
20. Dauben J. W. Georg Cantor. His Mathematics and Philosophy of the Infinite. New Jersey: Princeton University Press, 1979. 404 p.

REFERENCES

1. Aristotle. Metaphysica (Rus. ed.: Kubicky A. V., transl. *Metafizika*. Moscow, AST Publ., 2022. 448 p.).
2. Aristotle. Physica (Rus. ed.: Karpov V. P., transl. *Fizika*. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 232 p.).
3. Ahutin A. V. *Ponyatie "priroda" v antichnosti i v novoe vremya ("fyusis" i "natura")* [The Concept of “Nature” in Antiquity and Modern Times (“Fusis” and “Nature”)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 205 p.
4. Baudrillard J. Simulacres et Simulation (Rus. ed.: Kachalov A., transl. *Simulyakry i simulyacii*. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p.).
5. Gaidenko P. P. [On the Question of the Genesis of the New European Science]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 1998, iss. 4, pp. 52–60.
6. Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux (Rus. ed.: Svirsky Ya. I., transl. *Tysisacha plato. Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., Moscow, Astrel Publ., 2010. 892 p.).
7. Derrida J. De la grammatologie (Rus. ed.: Avtonomova N., transl. *O grammatologii*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 511 p.).
8. Kerslake C. Grounding Deleuze (Rus. ed.: Kulbashnaya D., transl. *Ob osnovanii Delyoza*. In: *Logos*, 2020, vol. 30, no. 4, pp. 89–108).
9. Cassidy F. X. From Myth to Logos: The Making of Greek Philosophy (Rus. ed.: Zimbuli A. E., ed. *Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoj filosofii*. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2003. 360 p.).
10. Kovtunenko I. V., Kudryashov I. A. [Creative Reception of the Concepts of J. Baudrillard in the Postmodern Worldview of C. Palahniuk: Simulacra, Mediation, Vanishing Reality]. In: *Gumanitarij yuga Rossii* [Humanist of the South of Russia], 2022, vol. 11 (58), no. 6, pp. 241–254.
11. Komarova V. Ya. *Uchenie Zenona Elejskogo. Popytka rekonstrukcii sistemy argumentov* [The Teachings of Zeno of Elea. Experience in the Reconstruction of the System of Arguments]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1988. 263 p.
12. Kosareva L. M. *Rozhdenie nauki novogo vremeni iz duha kul'tury* [The Birth of the Science of Modern Times from the Spirit of Culture]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997. 360 p.
13. Kuzansky N. *Ob uchyonom neznanii* [On Scientific Ignorance]. Moscow, Akademicheskiy proekt Publ., 2011. 159 p.
14. Mead G. Orpheus (Rus. ed.: Litnovskaya V. A., transl. *Orfizm. Teosofiya drevnih grekov*. Vologda, Poligraf-Periodika Publ., 2017. 167 p.).
15. Nikolaeva E. V. [From Rhizome and Fold to Fractal]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2014, no. 2, pp. 114–120.
16. Sirotnik Yu. L. [Space-Time Continuum in the Postmodern Paradigm: J. Derrida (1930–2004)]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Bulletin of the Buryat State University. Philosophy], 2021, no. 3, pp. 36–46.

17. Filatova M. I. [Actual Infinity: Pseudo-Problem or Meta-Foundation of Western European Philosophy and Science?]. In: *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2021, vol. 13, no. 4, pt. 1, pp. 11–27.
18. Filatova M. I. [Classical and Non-Classical Naturalness in the Light of the Problem of Infinity]. In: *VIII Rossijskij filosofskij kongress “Filosofiya v polycentrichnom mire”. Sekcii (I)* [VIII Russian Philosophical Congress “Philosophy in a polycentric world”. Sections (I)]. Moscow, Russian Philosophical Society; Institute of Philosophy RAS Publ., Lomonosov Moscow State University Publ., Logos Publ., 2020, pp. 150–152.
19. Cokolov S. *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma: Tradicii skepticizma v sovremennoj filosofii i teorii poznaniya* [Discourse of Internal Constructivism: Traditions of Scepticism in Modern Philosophy and Theory of Knowledge]. München, PHREN Publ., 2000. 332 p.
20. Dauben J. W. Georg Cantor. His Mathematics and Philosophy of the Infinite. New Jersey, Princeton University Press, 1979. 404 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филатова Мария Игоревна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии Курской государственной сельхозакадемии им. И. И. Иванова;
e-mail: m.philatova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya I. Philatova – Cand. Sci. (Philosophy), Teacher of the Department of Philosophy, Kursk State Agricultural Academy;
e-mail: m.philatova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филатова М. И. Потенциальная бесконечность как парадигмальное ядро постмодернизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 57–70.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-57-70

FOR CITATION

Philatova M. I. Potential Infinity as the Paradigmatic Core of Postmodernism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 2, pp. 57–70.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-2-57-70